

Предлагаем новую рубрику: МИЛОСЕРДИЕ

Тема одинокой старости, обездоленности, нашей забывчивости о стариках, пенсионерах, ветеранах войны и труда, их боль и обида всегда не давали мне покоя. Хотелось хоть чем-то помочь им, привлечь людей к этой проблеме.

Эта тема звучала в публикациях нашей газеты «ЧП не местного значения, или Кто защитит стариков?», «Еще одна странница» и других. Жаль, что задела она только родственников первой публикации: мы получили от них гневное письмо да услышали возмущенные телефонные звонки. Остальные читатели обошли молчаливо

наши публикации. Уверена: не от равнодушия, а по ставшему уже привычным мышлению: словами делу не поможешь. Хочется здесь возразить: ваше отношение, ваше доброе слово или критическое замечание в газету — это ваш вклад в общественное мнение на то или иное явление нашей жизни.

Газета со своей стороны будет по-прежнему верна теме, потому как она сегодня требует пристального к себе внимания. Надеемся на вашу помощь в создании новой рубрики «Милосердие» и будем ждать ваших писем.

НА ТО МЫ И ЛЮДИ

КАЖДОМУ, наверное, приходилось наблюдать такую картину: бежишь утром на работу, а возле твоего дома роется палкой в мусорном ящике старушка. Или сидит где-нибудь на твоём пути седенький старичок и рядом с ним на земле старенькая шапочка. Бежишь, торопишься, а при виде такой картины еще больше убыстряешь шаг, или, одувив глаза, сунешь в протянутую руку монету. И прочь, прочь от этого места, и стараешься забыть, как о чем-то неприятном. Стало вполне нормальным не обсуждать эту тему, не говорить о ней. Об этом просто молчали, словно и не было у нас явления, имя которому — нищета.

Почему же сегодня мы вдруг все заговорили об этом? Неужто прозрели? Скорее всего прорвало, словно плохо укрепленную плотину. Наконец, просто поняли: чтобы оставаться людьми, надо вещи называть своими именами. А назвав, что-то делать.

Вот и в Магнитке мы долго гордились нашим нищим началом, неустойчивостью перестроителей, духом первых пятилеток. Так долго, что, пожалуй, остался от этого лишь дух, как символ Магнитки. И напрочь забыты люди, создавшие ее. Не герои, которых считанные единицы и которых мы, конечно же, помним, а сотни и сотни простых тружеников, создавших нашему городу всемирную славу. И доживают эти люди в забвении и нищете, терпеливо дожидаясь поздравительной открытки к празднику. А многие так и ушли из жизни, не дождавшись и этой малости.

Слава богу, сегодня мы сумели стряхнуть с себя опеменение и понемногу поворачиваемся лицом к людям. Одним из таких проявлений явилась организация отделения социальной помощи для УЖКХ комбината.

ОРГАНИЗОВАЛАСЬ эта служба в ноябре прошлого года. Цель ее — реальная помощь, что называется, самым-самым: инвалидам, малоимущим, одиноким людям. Тем, у кого нет ни родных, ни близких, кто не в состоянии сам справиться с простыми житейскими хлопотами: постирать, приготовить обед, купить продукты и лекарства. 136 немощных стариков и инвалидов, ветеранов войны и труда комбината обслуживают 12 женщин.

Дело это новое и до того необычное, что, конечно же, вопросов возникло много. С чего началась работа службы? Как «набирали» в нее подопечных? Что входит в обязанности сотрудников? Есть ли контакт и взаимопонимание между ними и обслуживаемыми? Как живут старики?

Посетив эту службу, я узнала многое. Работа началась с того, что в городских службах социального обеспе-

чения «отобрали» своих — бывших работников комбината, чья пенсия явно не достигает до прожиточного минимума, тех, кто уже не в силах обойтись без посторонней помощи. Расспрашивали о таких во дворах, искали в архивах цехов и комбината, в списках совета ветеранов.

Работа проделана сотрудниками этой службы огромная. Ведь надо было обйти всех пенсионеров, обследовать их жилищные условия, выявить их физическое состояние, материальный уровень жизни.

Сейчас у каждой из женщин службы помощи «на руках» 12—13 подопечных. Трудно переоценить их труд. Казенные бланки договора, который заключается между пенсионером и работницей службы, не в силах вместить в себя того, что сделали они для стариков.

ЧТО ВХОДИТ в их обязанности? Купить и принести продукты, лекарства, вызвать врача, отвезти в больницу, сдать белье в прачечную, забрать его оттуда, и так далее и тому подобное. Но разве можно очертить себя кругом обязанностей только строго по инструкции? Как, к примеру, можно спокойно наблюдать за старушкой, когда она не в силах приготовить себе еду из принесенных продуктов? Или не постирать ее одежку, или просто не поговорить с ней, когда ей так это необходимо.

А в какой бумаге отразить душевные затраты этих женщин, когда приходится видеть, как растягивают старички свою небольшую пенсию на целый месяц и, бывает, сидят по несколько дней на одном хлебе? Была бы моя воля, я бы высоко оплачивала их труд, приравнивая его к особо вредному.

— Живут как? В большинстве своем плохо. Просто больно смотреть. У многих пенсия 42—45 рублей, а у некоторых и того меньше — 37 рублей. За квартиру заплатят, считают, сколько остается. Иные питаются только хлебом и молоком, ни на что другое не хватает. Есть у нас такие, что, боясь соблазнов, отдают все пенсию нам, и мы тянем ее. Только всякий раз думаешь: как же растянуть эти копейки, чтоб сыта была моя бабуля? — с горечью рассказывали мне сотрудницы службы.

ПРАВДА, недавно их подопечные получили хороший подарок: по решению СТК комбината к 60-летию города выделена единовременная материальная помощь в размере 75 рублей каждому из 136. Есть робкие попытки некоторых цехов помочь своим бывшим работникам в ремонте квартир, небольшими суммами денег. Все это благодаря стараниям работников службы социальной помощи, которые

беспрестанно теребят цеховые профсоюзные комитеты, держат связь с советом ветеранов, с профкомом.

Только как бы научиться всем проявлять заботу и участие в жизни ветеранов, не дожидаясь звонков и напоминаний? Чтобы это стало обязанностью и долгом перед теми, кто отдал родному коллективу десятки лет своего труда, здоровье, силы... Неужто на это мы не способны?

— Вы бы видели, с какой радостью и благодарностью принимают они самые маленькие знаки внимания. Хвастаются, словно дети: «Меня сам Роман поздравил с Днем металлурга!» — продолжали женщины свой рассказ.

А вот еще один акт милосердия для наших ветеранов: на днях профком комбината выделил средства на бесплатное питание в течение двух месяцев 140 пенсионерам. Они будут закреплены за столовыми общепита ММК, где для них будут выделены продукты питания. 36 рублей — такова стоимость одной путевки — большая подпорка к бюджету малообеспеченного ветерана.

Уходила из этого крошечного штаба милосердия почти что довольная: 136 наших ветеранам стало жить чуточку полнее. Большое дело! И спасибо тем, кто приложил к этому сердце и руки. И все же...

Что-то не давало покоя, что-то не разрешало ставить точку на этом. Раздирало сомнения между недосказанностью и обещанием, данным руководителям службы социальной помощи. «Не надо рекламы, мы ни в чем не нуждаемся. Мы не готовы к расширению обслуживания, все это — в перспективе», — убеждал меня зам. начальника УЖКХ В. А. Владимирцев.

Да простит меня Валентин Александрович, я нарушу его напутствие. Да, я согласна, что созданная служба сделала и делает очень много, что имеющийся штат сотрудников не в силах обслужить большее число ветеранов. Но как быть остальным, кого еще не «охватили»? Или тем, у кого пенсия на рубль больше той черты? Разве меньше они нуждаются? Или есть у них возможность ждать лучших времен, когда у многих жизнь на закате? Что же с ними-то делать?

А ВЫХОД есть сегодня, и довольно простой. Надо, чтобы в актах милосердия участвовало как можно больше людей, комсомол, молодежь. Надо создавать бригады социальной помощи на общественных началах. Надо не лишать людей возможности проявить все лучшее в себе: сострадание, милосердие, доброту, сочувствие. Иначе созданная служба социальной помощи без участия людей, общественности может превратиться в одно из официальных подразделений комбината. Придаatok к заводу. И еще. Изменить существующее бездетное положение малоимущих людей можно лишь навалившись всем миром.

А что скажут наши читатели?
Н. БАРИНОВА.

Из номера в номер

Валентина МИНУЛЛИНА

ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Рассказ

(Продолжение. Начало в № 104—107)

Катерина заставила себя прямо взглянуть на Володю. Он сидел, опустив глаза; что-то чертил пальцем на полировке стола. Нет, не помог им расквашенный коньяк. Катерина перевела взгляд: отодвинув в сторону бутылка стояла, словно облокотившись на стенку. Золотисто-коричневая ее наклейка сверху была чуточку оборвана, поясик со звездочками посажен немножко криво. Вот так и жизнь моя: вся наперекосяк, — невесело умахнулась про себя.

Время шло, а они молчали. Почему-то неловко было прервать это молчание, и еще более неловко — продолжать молчать. Так считала она. А о чем думал он, Володя? Чего ждал? Может, искал повода уйти? Катерина взглянула на часы, и Володя встрепенулся:

— Что? Мне — пора?

— Что — пора? — не сразу поняла она.

— Уходить?..

— А-а! Не знаю... Тебя, наверное, дома ждут — десятый час все-таки.

— Да нет, никто не ждет, — засуетился он. — То есть, ждут, конечно, но это неважно.

— А что важно?

Он покачал плечами. Опять не знает? Или снова не решается сказать? И на этот раз полагается на нее? Горький ком обиды вдруг так же внезапно, как все опущенный этого дня, прервал ее дыхание. Она старалась проглотить этот ком, но мысли жгли, буквально испепеляли ее изнутри. Ишь ведь, сидит — благополучный, удачливый, счастливый! Охотно верит каждому ее слову. Чего же лучше: есть семья, дети, все благо, подумаешь, муж ревнив. Сказать бы ему сейчас, что замужество ее кончилось полгода назад. Что ревность мужа жестоко билась ее и не только морально — физически, самymi что ни на есть железными мужскими кулаками. Что приехала она взглянуть: стоило ли все, что было между ними, всех болей, что довелось ей вынести. Ишь какой! Жене он, видите ли, не изменял. Не любит, а верен. А муж любил ее, Катерину, но изменял при любой возможности. И оскорблял, унижал, в пьяном угаре ругая самыми непроиспыханными словами. И все за него, за этого. Не изменял жене, а сейчас что делает? Это ли не измена? Наверное, придумывает, как оправдываться будет. Ненажко ему, видите ли, ждет его жена или не ждет! Конечно, так и поверили! Примерный семьянин, отец семейства, важная персона, а сидит в полутемном гостиничном номере с женщиной. И коньяк на столе...

Господи, да я сумасшедшая! — остановила она себя. Не знаю, кого и в чем виню. Прячем Володя? Самой бы надо быть умней. Ведь не зря говорится: нельзя возвращаться в прошлое, его хранят в памяти. И тогда в нем все светло. Нет ведь! Надо было удостовериться, услышать. Зачем? Удостоверилась? Услышала? Ну и что? Полетело? Не слишком — иначе не сжигала бы себя в собственной обиде.

— Катя, что с тобой? — Володин голос, мягкий и встревоженный, вызвал ее из лабиринта мыслей. Она увидела его немного испуганный взгляд, сжала вонючий пальчик, потрясла головой:

— Извини... Наверное, это от выпитого. А что? Я что-нибудь говорила вслух?

— Нет. Но у тебя было такое лицо... Я не знаю, как это сказать.

— Страшное? — она попыталась улыбнуться.

— Нет, я бы сказал — измученное. То есть — какая-то на нем мука была. Ты о чем-то плохом вспомнила?

— Что ты, вовсе нет. Просто голова разболелась.

— Извини, это я виноват. Засиделся. Ты устала, наверное. Мне пора?

— Пора? Ты спрашиваешь или...

— Конечно, спрашиваю. Я не спешу.

— А зря, — она уже справилась с собой. — Тебе ведь на работу завтра. Будешь решать судьбы людей, наказывать, миловать — для этого свежая голова нужна.

— Ты так шутишь теперь? — его взгляд стал обиженным.

— Какие уж шутки. Не ночевать же тебе здесь. Впервые, негде. Да и неровен час — жене изменишь...

— Какая ты стала, Катя! Я виноват, не спорю. Прозевал, проглянул когда-то. Себе жизнь испортил, тебе тоже. Надо было тогда найти, дognать, вернуть... А я?.. Вот и расплачиваюсь теперь. А по натуре я человек верный, семейный. Нина — хорошая жена. Я уважаю ее. Не могу не уважать. Но... сяду вечером за стол, уткнувшись в работу и жду, когда она уснет. Порой до двух—трех ночи жду. И она ждет, я знаю, слышу. Два месяца, три, иногда полгода. Живем, как чужие, как добрые знакомые.

Он помолчал, потом резко выдохнул:

— Ну вот. Теперь все. Суди как хочешь...

— Судить? — все чувства смешались в Катерине. Обида и нежность, горечь и жалость. К себе и к нему. К почти незнакомой Нине и даже к своему бывшему мужу.

Она взяла в ладони лицо Володи, осторожно, едва касаясь, поцеловала глаза, лоб, губы, белокурые, чуть поредевшие завитки волос:

— Милый, что мы с тобой наделали? Ничего не изменить, не исправить...

Она целовала его, а он, крепко сжимая ее запястья, подставлял себя ее губам и бормотал:

— Почему? Ну почему не изменить? Еще все можно изменить... Разве все кончено? Мы же не старые...

(Продолжение следует)

За магнитогорское ускорение

Так выглядел один из участков реконструкции третьего блюминга пару недель назад — будущее отделение смазки (снимок справа). Обстановка здесь меняется каждый день.

Очень напряженно пришлось поработать машинисту экскаватора Юрию Аркадьевичу МАЛАЕВУ из строительно-монтажного управления комбината (снимок слева). Ему было поручено проложить туннель длиной более 60 метров для будущих энергетических трасс будущего нового блюминга. Со своей непростой задачей он справился вовремя.

